

В заключение хотелось бы сказать, что, несмотря на прогрессивное развитие отечественного гражданского законодательства, вопросам составления завещаний в чрезвычайных обстоятельствах законодателем, на наш взгляд, придается недостаточное значение. Последними изменениями был дополнен лишь п. 4 ст. 1129 ГК РФ о совместном завещании супругов, наследственных договорах, но форма и порядок совершения завещания не были изменены. Учитывая имеющиеся в связи с новыми событиями обстоятельства и растущую тенденцию к цифровизации современного общества, наблюдается необходимость детально разработать наследственные вопросы на законодательном уровне, дать возможность завещателю максимально свободно и доступно придать юридическую форму своей воле.

Список литературы

1. Кодификация российского частного права / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003.
3. Паничкин В. Б. Различия завещания в российском и англо-американском праве и их правовая природа // Нотариус. 2019. № 2. С. 45.
4. Путилина Е. Совершение закрытого завещания и завещания в чрезвычайных обстоятельствах // Законность. 2007. № 11. С. 39-45.
5. Bennet M. Technology and Wills (Using an iPhone, Word or Other Modern Devices) // Lexology. 2020. P. 6.
6. Enkazın altında Son videom' diye çekti. URL: <https://www.cnnturk.com/video/turkiye/enkazin-altinda-son-videom-diye-cekti>

Е. Н. Гладкая,

кандидат юридических наук,

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси

КРИПТОАКТИВЫ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Аннотация. В статье на основании доктринальных подходов и рекомендаций Евразийской экономической комиссии по определению правовой и экономической сущности криптоактивов, а также результатов сравнительного анализа законодательств государств-членов ЕАЭС в криптосфере, выработаны предложения, направленные на гармонизацию правового регулирования криптоотношений на территории стран региональной экономической интеграции с целью адекватного реагирования на современные вызовы и угрозы.

Ключевые слова: гражданское право, объекты гражданских прав, имущество, имущественные права, цифровые активы, цифровые финансовые активы, виртуальные активы, цифровые токены, криптовалюта

**CRYPTOASSETS AS OBJECTS OF CIVIL LAW:
STATEMENT OF THE PROBLEM AND WAYS OF SOLUTION
IN THE CONTEXT OF HARMONIZATION OF LEGAL REGULATION
IN THE TERRITORY OF THE MEMBER STATES OF THE EAEU**

Abstract. In the article, based on doctrinal approaches and recommendations of the Eurasian Economic Commission to determine the legal and economic essence of crypto-assets, as well as the results of a comparative analysis of the legislation of the EAEU member states in the cryptosphere, proposals are developed aimed at harmonizing the legal regulation of crypto-relations in the countries of regional economic integration in order to adequately respond to modern challenges and threats.

Keywords: civil law, objects of civil rights, property, property rights, digital assets, digital financial assets, virtual assets, digital tokens, cryptocurrency

Введение. Современные вызовы и угрозы создают предпосылки для актуализации поиска решения вопросов, касающихся гармонизации законодательств государств – членов ЕАЭС в различных сферах правового регулирования. В качестве одной из важнейших таких сфер представляется криптосфера. Будучи новыми и востребованными, объекты криптосферы широко используются различными субъектами общественных отношений. Полагаем, что с течением времени количество областей применения таких объектов будет только увеличиваться. Вместе с тем следует констатировать, что до настоящего времени в законодательствах государств – членов ЕАЭС не выработано единого терминологического аппарата, позволяющего разграничить объекты криптосферы, определить правовой статус и правовой режим таких объектов, а значит, и их место среди иных объектов общественных отношений и объектов гражданских прав, в частности. Справедливости ради необходимо отметить, что такого рода тенденция характерна не только для стран региональной экономической интеграции, что отмечается в трудах зарубежных ученых.

На основании вышеуказанного была сформулирована цель настоящего исследования – выработать предложения по гармонизации законодательств государств – членов ЕАЭС в криптосфере. Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить доктринальные подходы в области определения правовой и экономической сущности криптоактивов;
- 2) проанализировать рекомендации Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) в части определения правового статуса и правового режима объектов криптосферы;
- 3) рассмотреть подходы к определению правового статуса и правового режима объектов криптосферы в законодательстве государств-членов ЕАЭС;
- 4) на основании полученных результатов выработать предложения, направленные на гармонизацию законодательств государств-членов в исследуемой сфере.

Основная часть. В настоящее время законодательство Республики Беларусь не содержит понятия «криптоактивы». В отечественной научной литературе также

не выработано унифицированного определения данным объектам общественных отношений. Белорусские ученые в своих трудах преимущественно используют уже ставшие привычными понятия «токен», «криптовалюта» и другие, т. е. те, что прямо следуют из законодательства Республики Беларусь, в частности из Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [16] (далее – Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики»). В зарубежной научной литературе по вопросу понятия криптоактивов высказаны различные точки зрения. Приведем некоторые из них.

В. Е. Понамаренко, Д. В. Дибина отмечают, что статус криптоактивов на территории Российской Федерации определен в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») [18]. Анализируя содержание указанного закона, ученые делают заключение, что, согласно его положениям, под криптоактивами следует понимать цифровую валюту. Так, по их мнению, «Особый подход в регулировании криптоактивов прослеживается уже в вопросе терминологии: российский законодатель вместо широкоупотребительных в цифровой среде терминов «виртуальные активы» (ФАТФ), «криптоактивы» (ЕС), «цифровые активы» (США, иные страны) использует термин «цифровая валюта»» [19]. Данная точка зрения представляется спорной, поскольку, помимо цифровых валют, в ст. 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предметом правового регулирования также признаются цифровые финансовые активы.

Я. К. Ярутин, Е. Е. Гуляева в своей статье «Международное и российское правовое регулирование оборота криптоактивов: понятийно-терминологическая корреляция» приводят понятие криптоактивов, сформулированное Советом по финансовой стабильности. В соответствии с ним под криптоактивами необходимо понимать отображение ценности в цифровом виде (digital representation of value), которое основано на криптографии и технологии распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT), аналогичных технологиях и которое может использоваться как в платежных, так и в инвестиционных целях [23. С. 728]. Отдельно ими отмечено, что данным понятием не охватывается цифровое отображение фиатных валют [23. С. 729].

Руководствуясь приведенным понятием криптоактивов, Я. К. Ярутин, Е. Е. Гуляева вносят предложение о замене понятия «цифровые финансовые активы», использованного в ст. 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», на «криптоактивы». Понятие «цифровая валюта» ученые считают необходимым упразднить и в дальнейшем использовать понятие «цифровая валюта центрального банка» [23. С. 738–739].

М. В. Савельева к признакам криптоактивов относит: нематериальность; криптографическую аутентификацию; использование распределенного реестра

транзакций; децентрализацию; правила реестра (правила консенсуса), установленные участниками оборота; виртуальность; оборотоспособность; экстерриториальность и приходит к выводу, что под последними следует понимать активы, защищенные криптографическим методом, и включающие две группы объектов: криптовалюты (crypto currency) и токены (tokens) [20. С. 81, 84]. Следует отметить, что в более ранних трудах М. В. Савельева указывала на невозможность выработки определения криптоактивов, но делала заключение о том, что «криптоактив включает в себя криптовалюты, является разновидностью цифровых прав (rights digital), частично может совпадать по содержанию с цифровыми финансовыми активами» и шире определения цифровых прав данных в ст. 141.1 ГК РФ» [21. С. 169].

Приведенные точки зрения указывают на отсутствие единства мнений по вопросу определения сущности криптоактивов среди юридического научного сообщества. Для полноты исследования обратимся к изучению наработок ученых-экономистов в обозначенной области.

Л. В. Волкова предлагает под криптоактивом понимать «ресурс нематериальной формы, отражающий наличие определенной ценности или определенных юридических прав, обеспечивающий сохранение информации о таких правах или ценности с помощью криптотехнологии и технологии дублирования данных по различным узлам и серверам независимыми между собой участниками» [3. С. 16]. К преимуществам данного определения ученый относит нивелирование внимания от эмитентов криптоактивов, акцент на значительное количество независимых участников и дублирование серверов и узлов поддержки системы.

Д. А. Кочергин, Н. В. Покровская выделяют ряд проблем, существующих в области определения сущности криптоактивов. Среди них ученые отмечают: отсутствие унифицированного термина «криптоактивы» как нового класса финансовых активов; неопределенность среди экономистов и финансовых регуляторов в решении вопроса о том, какие именно типы активов могут относиться к криптоактивам и по каким критериям они сущностно отличаются друг от друга; различия в подходах к интерпретации и классификации криптоактивов между странами [10. С. 184]. Выделенные проблемы обуславливают появление новых. Так, ученые указывают, что в различных странах предпринимаются попытки налогообложения операций, связанных с криптоактивами, вместе с тем их теоретическое обоснование, как правило, следует за практикой их применения.

С целью решения обозначенных выше проблем Д. А. Кочергин, Н. В. Покровская предлагают к использованию авторское определение криптоактивов. Согласно ему, криптоактивы – это «<...> частные цифровые активы, которые: 1) записываются в цифровой форме в каком-либо распределенном реестре, защищенном криптографически; 2) не выпускаются и не гарантируются Центральным банком или государственными органами власти; и 3) могут использоваться в качестве средства обмена, и/или для инвестиционных целей, и/или для доступа к товару или услуге» [10. С. 187].

Т. А. Степанова, Л. Н. Измайлова, А. В. Воронина предлагают авторскую типизацию криптоактивов. В соответствии с ней ученые выделяют три типа крипто-

активов: криптовалюты, токены (токены аналогичные акциям, токены полезности, токены безопасности), криптоактивы смешанного типа [22. С. 284–285].

Результаты исследования, проведенного коллективом авторов в составе T. Ankenbrand, D. Bieri, R. Cortivo, J. Hoehener and T. Hardjono, направленного на таксономию криптовалютных активов, позволили авторам выделить четырнадцать оснований для классификации последних. В качестве таковых оснований были названы: Claim structure; Technology; Underlying; Consensus/Validation mechanism; Legal status; Governance; Information complexity; Legal structure; Information interface; Total supply; Issuance; Redemption; Transferability; Fungibility [1].

Применение сформулированных оснований для классификации криптовалютных активов позволит, по мнению авторов, «In this way, our taxonomy bridges the gap between physical, digital, and cryptographic assets, <...> thus creating clear terminology» [1], т. е. устранить разрыв между физическими, цифровыми и криптографическими активами, создавая тем самым четкую терминологию.

Как показывают результаты исследования, в настоящее время не сложились единые доктринальные подходы в области определения как правовой, так и экономической сущности криптоактивов. Следует отметить, что такого рода тенденция наблюдается среди ученых не только ближнего, но и дальнего зарубежья. Тем не менее научным сообществом предпринимаются попытки выработки оптимальных решений обозначенной проблемы.

В соответствии со ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Союз) от 29 мая 2014 г. [8] основными целями Союза являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Для достижения обозначенных целей по направлению криптовалют и технологии блокчейн в 2019 г. Евразийской экономической комиссией был подготовлен доклад «Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики. Разработка регуляторных подходов: международный опыт, практика государств – членов ЕАЭС, перспективы для применения в Евразийском экономическом союзе» [9] (далее – доклад ЕЭК). Согласно содержанию указанного доклада, с целью гармонизации подходов государств – членов ЕАЭС к регулированию сферы криптовалют и блокчейн было предложено утвердить Единый глоссарий, содержащий основные термины и определения в сфере криптовалют и блокчейн, а также принципы государственного регулирования данной сферы. В качестве последних были названы такие принципы, как:

1. единое понимание и толкование основных терминов и понятий, связанных с использованием цифровых активов, цифровых знаков (токенов), криптовалют;
2. соблюдение баланса между контролем рисков и реализацией инновационных стимулов экономического развития, в том числе:

2.1. обеспечение прозрачности и гибкости регуляторной среды государств-членов в целях привлечения инвестиций и снижения масштабов теневых сделок;

2.2. защита прав профессиональных и непрофессиональных инвесторов рынка цифровых активов;

2.3. формирование единых подходов к обеспечению информационной безопасности;

2.4. включение саморегулируемых организаций и профессиональных ассоциаций в систему регулирования экономической деятельности в области цифровых активов, цифровых знаков (токенов), криптовалют;

2.5. введение ограничений на оборот цифровых активов, учитывающее последствия таких ограничений как для рынка, так и для правоприменения;

3. гармонизация подходов к регулированию деятельности в области цифровых активов, цифровых знаков (токенов), криптовалют на территории государств – членов ЕАЭС, в т. ч.:

3.1. поэтапное развитие регуляторной практики и необходимой инфраструктуры с учетом динамики и масштабов явления;

3.2. реализация уполномоченными органами практики «мягкого регулирования», включая публикацию предупреждений и разъяснений, повышение грамотности и информированности граждан и организаций;

3.3. обмен эффективными регуляторными практиками для масштабирования на пространстве ЕАЭС;

3.4. разработка единых принципов идентификации пользователей цифровых знаков (токенов);

3.5. стремление к гармонизации подходов к налогообложению операций с цифровыми знаками (токенами) с учетом требований национального законодательства;

4. взаимодействие с третьими странами и международными организациями с целью разработки и применения передовых стандартов регулирования обращения цифровых активов, цифровых знаков (токенов), криптовалют, в т. ч.:

4.1. выполнение международных стандартов в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ);

4.2. обмен информацией о фактах использования цифровых активов в операциях, предположительно связанных с хищениями денежных средств» [9].

В Приложении II к докладу ЕЭК размещен Глоссарий ЕАЭС, в который вошли следующие понятия: цифровой актив, цифровой знак (токен), криптовалюта, цифровой кошелек, оператор цифрового кошелька, майнинг, оператор обмена цифровых знаков (токенов), оператор торговой платформы по обмену цифровых знаков (токенов), распределенная база данных, реестр блоков транзакций (блокчейн), смарт-контракт. В контексте темы исследования уделим внимание некоторым из них (табл. 1).

Таблица 1

Цифровой актив, цифровой знак (токен), криптовалюта в значении, определенном в Глоссарии ЕАЭС (Приложение II к докладу ЕЭК) [9]

№	Термин	Определение	Комментарии к нему
1	Цифровой актив	Имущество в электронной форме, создание и использование которого осуществляется с помощью цифровых технологий	Вводя понятие цифрового актива, регулятор обеспечивает возможность использования существующих норм гражданского права для юридической защиты сделок с различными видами цифрового представления ценностей. Понятие «цифровой актив» используется как более общее родовое понятие для различного рода токенов (продуктовые, имущественные, гибридные) и криптовалют. Данный подход по введению в оборот общего собирательного понятия («зонтичное определение») соответствует практике ОЭСР, согласно которой используется понятие «цифровые финансовые активы». Уточнение «финансовый» в данном случае не применяется, поскольку такая формулировка ограничивает применение определения для нефинансовых токенов
2	Цифровой знак (токен)	Вид цифрового актива, средство удостоверения обязательственных и иных прав, в том числе прав доступа к продуктам или услугам, прав на определенный продукт или услугу, прав на получение фиксированного дохода или процента от прибыли, прав управления, прав на покупку определенного актива по определенной цене в будущем. Может содержать условия смарт-контракта, связанные с удостоверяемыми правами	Вводя отдельное понятие «цифрового знака (токена)», регулятор обеспечивает возможность развития законодательства в сфере процессов так называемой токенизации активов и услуг. В мировой практике используется схожее понятие – «виртуальный токен» (США (SEC)). Сегодня выделяют платежные (payment tokens), пользовательские (utility token) токены, токены-активы (assets tokens), гибридные токены (FINMA, Швейцария). Схожее деление разрабатывает ОЭСР

Окончание табл. 1

№	Термин	Определение	Комментарии к нему
3	Криптовалюта	Вид цифрового знака (токена), представляющий собой запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной базе данных и принимаемый в качестве средства обмена и (или) единицы учета и (или) средства хранения (накопления) стоимости	При определении понятия предпочтение отдается определению криптовалюты как цифрового актива вместо платежного средства/денежного суррогата ввиду ограничений национального законодательства, предусматривающего использование в качестве платежного средства исключительно национальной валюты и требующего в таком случае более жесткого регулирования со стороны национальных (центральных) банков. По этой же причине одна из функций криптовалюты обозначена как единица учета вместо расчетной единицы. В мировой практике встречаются схожие понятия: «виртуальная валюта» (ФАТФ, ЕС, США, Эстония, Япония, Швейцария), «цифровая валюта» (Великобритания). Использование данных понятий нежелательно в силу своей стилистической окраски: «цифровой», «виртуальный». Понятие «криптовалюта» является общепринятым в профессиональной среде, отражает технологическую сторону данного явления: результат соединения криптографических технологий и технологии распределенных реестров, позволяющий за счет этого обеспечивать выполнение отдельных функций традиционных денежных средств

Соответственно, ЕЭК понятие «цифровой актив» предлагается использовать как понятие собирательное (зонтичное), под которым следует понимать любое имущество в электронной форме, созданное и используемое с помощью цифровых технологий. В свою очередь цифровой знак (токен) определяется как вид цифрового актива, криптовалюта – как вид цифрового знака (токена). Таким образом, соотношение указанных понятий в предложенных формулировках можно представить в следующем виде (рис. 1).

Принимая во внимание вышеуказанное, полагаем, что не будет ошибочным утверждение о том, что понятие «цифровой актив» в значении, сформулированном в докладе ЕЭК, можно считать синонимом понятия «криптоактив».

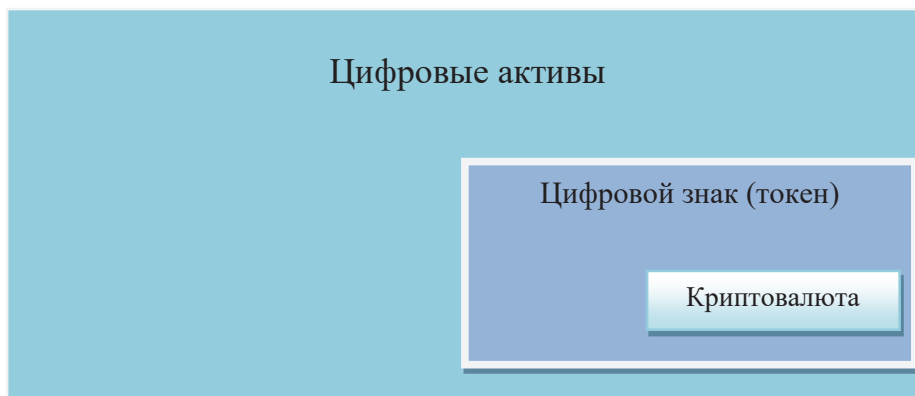

Рис. 1. Соотношение понятий цифровой актив, цифровой знак (токен), криптовалюта в значении, определенном в Глоссарии ЕАЭС (Приложение II к докладу ЕЭК)

Примечание: является авторской разработкой.

Несмотря на взятый курс на гармонизацию подходов к регулированию деятельности в области цифровых активов, цифровых знаков (токенов), криптовалют на территории государств – членов ЕАЭС и выработку единого понимания и толкования основных терминов и понятий, связанных с их использованием, до настоящего времени указанные цели достигнуты не были.

Как указывалось, в Российской Федерации основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения, объектом которых выступают криптоактивы, является ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с п. 1 ст. 1 данного закона, предметом его правового регулирования выступают общественные отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты в Российской Федерации.

Следовательно, объектами правового регулирования вышеупомянутого закона являются цифровые финансовые активы и цифровые валюты. Понятия указанных объектов содержатся в п. 2, 3 ст. 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно п. 2 ст. 1 закона, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном указанным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Справочно: правовая природа цифровых прав определена в ст. 128, 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [7] (далее – ГК Российской Федерации). Так, ст. 128 ГК Российской Федерации цифровые права, наряду с безналичными денежными средствами (в том числе цифровыми рублями) и бездокументарными ценными бумагами, отнесены к имущественным правам. Согласно ст. 141.1 ГК Российской Федерации, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

В соответствии с п. 3 ст. 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. Понятие «цифровая валюта» в ГК Российской Федерации отсутствует.

Как видим, в законодательстве Российской Федерации сформировался отличный от предложенного ЕЭК подход к определению сущности криптообъектов. Цифровые активы здесь рассматриваются исключительно с приставкой «финансовые» и как объекты гражданского права отнесены к имущественным правам.

В Республике Казахстан принят Закон от 25 июня 2020 г. № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» [14]. На его основании были внесены изменения в Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) [6] (далее – ГК Республики Казахстан) и Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V «Об информатизации» [11] (далее – Закон Республики Казахстан «Об информатизации»). В частности, п. 2 ст. 115 ГК Республики Казахстан был дополнен новым видом имущества – цифровыми активами. Понятия «цифровой актив», «цифровой майнинг», «цифровой токен» и другие нашли свое отражение в Законе Республики Казахстан «Об информатизации».

С принятием Закона Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII «О цифровых активах в Республике Казахстан» [17] (далее – Закон Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан») начался новый этап развития общественных отношений, основанных на использовании цифровых активов, в данной республике. В соответствии со ст. 1 указанного закона было уточнено понятие «цифровой актив», дано определение понятиям «обеспеченный цифровой актив» и «необеспеченный цифровой актив» и другое. Так, было установлено,

что цифровой актив – это имущество, созданное в электронно-цифровой форме с присвоением цифрового кода, в том числе с применением средств криптографии и компьютерных вычислений, зарегистрированное и обеспеченное неизменностью информации на основе технологии распределенной платформы данных; обеспеченный цифровой актив – цифровой актив, зарегистрированный посредством цифровой платформы по хранению и обмену обеспеченными цифровыми активами, который удостоверяет права на материальные, интеллектуальные услуги и активы, за исключением денег и ценных бумаг; необеспеченный цифровой актив – цифровой актив, полученный в информационной системе в виде вознаграждения за участие в поддержании консенсуса в блокчейне и не выражающий чьи-либо денежные обязательства, которыми можно торговать в цифровой форме на бирже цифровых активов. В силу п. 5 ст. 11 Закона Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан» на территории Республики Казахстан запрещаются выпуск и оборот необеспеченных цифровых активов, а также деятельность бирж цифровых активов по необеспеченным цифровым активам, за исключением территории Международного финансового центра «Астана». Примером необеспеченных цифровых активов служат криптовалюты.

Отметим, что в ст. 1 Закона Республики Казахстан «О цифровых активах в Республике Казахстан» отсутствует понятие «цифровой токен». Законом Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 194-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам цифровых активов и информатизации» [15] понятие «цифровой токен» исключено из Закона Республики Казахстан «Об информатизации».

Анализ законодательства Республики Казахстан в части правового регулирования деятельности с цифровыми активами позволяет сделать вывод о том, что сформированный в данной республике подход соответствует рекомендациям ЕЭК, но вместе с тем имеет описанные выше отличительные признаки.

В отличие от законодательств вышеуказанных стран в законодательстве Кыргызской Республики вместо понятия «цифровые активы» используется понятие «виртуальные активы». Так, Законом Кыргызской Республики от 21 января 2022 г. № 12 «О виртуальных активах» [12] (далее – Закон Кыргызской Республики «О виртуальных активах») установлено, что виртуальные активы представляют собой совокупность данных в электронно-цифровой форме, имеющую стоимость, являющуюся цифровым выражением ценности и/или средством удостоверения имущественных и/или неимущественных прав, которая создается, хранится и обрабатывается с использованием технологии распределенных реестров или аналогичной технологии и не является денежной единицей (валютой), средством платежа и ценной бумагой (п. 1 ст. 4 закона). Статьей 5 Закона Кыргызской Республики «О виртуальных активах» определен правовой статус виртуальных активов. В соответствии с ней виртуальный актив может быть как самостоятельным объектом гражданского права, так и средством удостоверения имущественных и (или) неимущественных прав, в том числе прав требования на другие объекты гражданских прав. Виртуальные активы не являются платежным средством, валютой и (или) ценной бумагой на территории Кыргызской Республики. Виртуальные активы

могут быть обеспеченными (цифровые токены, иные виртуальные активы, обеспеченные другими объектами гражданских прав) или необеспеченными (виртуальные активы, в отношении которых отсутствует лицо (лица), несущее обязательства перед каждым обладателем таких виртуальных активов). Следовательно, в законодательстве Кыргызской Республики понятие «цифровой токен» сохранено. В силу п. 1 ст. 4 Закона Кыргызской Республики «О виртуальных активах», под цифровым токеном необходимо понимать вид виртуального актива, являющийся средством удостоверения имущественных и (или) неимущественных прав, в том числе прав требования на другие объекты гражданских прав.

Законом Кыргызской Республики от 5 августа 2022 г. № 81 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере виртуальных активов» [13] внесены изменения в ст. 22 «Виды объектов гражданских прав» части I Гражданского кодекса Кыргызской Республики [4]. Согласно им, указанная статья была дополнена виртуальными активами, которые наряду с вещами были отнесены к имуществу.

Республика Армения – единственная среди государств – членов ЕАЭС, в которой нет нормативного правового акта, регулирующего деятельность с использованием цифровых активов. Вместе с тем экспертное сообщество Республики Армения активно работает над предложениями по созданию конкурентного нормативного правового регулирования данной сферы. Так, президент Армянской блокчейн ассоциации «Nooog» В. Арушанян в своем интервью отметил: «Мы в Nooog разработали и представили законопроект, который сейчас рассматривается правительством. В случае его принятия Армения станет одной из самых привлекательных юрисдикций для блокчейн-проектов в мире» [2].

Как отмечалось выше, в Республике Беларусь основу правового регулирования криптосферы составляет Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики». Принятый в 2017 г. указанный нормативный правовой акт был прорывным для своего времени. Установив экспериментальный правовой режим для новых объектов гражданских прав (выступив регуляторной песочницей), Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» был призван решить ряд проблемных вопросов, возникших в связи с появлением технологии блокчейн и криптовалют.

В приложении 1 к Декрету № 8 «О развитии цифровой экономики» размещен перечень используемых терминов и их определений. В соответствии с ним под криптовалютой понимается биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. Под цифровым знаком (токеном) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой. В этот же перечень включено понятие «владелец цифрового знака (токена)», под которым следует понимать субъекта гражданского права, которому цифровой знак (токен) принадлежит на праве собственности или на ином вещном праве. Таким образом, согласно установленному Декретом № 8 «О развитии цифровой экономики» экспериментальному правовому режиму, цифровой знак (токен) в белорусском законодательстве признается объектом вещных прав, а значит, и объектом гражданских правоотношений.

Требуется отметить, что ни в Декрете № 8 «О развитии цифровой экономики», ни в белорусском законодательстве в целом понятие «цифровой актив» (как и «криптоактив», «виртуальный актив») не используется.

С момента принятия Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики» прошло достаточно много времени и, по нашему мнению, требуется и дальше развивать белорусское законодательство в криптосфере. Так, видится необходимым отойти от экспериментального правового режима регулирования отношений, основанных на использовании цифровых токенов и криптовалюты. Для этого необходимо:

1) расширить перечень объектов правового регулирования за счет включения в него цифровых активов. В дальнейшем указанное понятие использовать как «зонтичное»;

2) принять во внимание рекомендации ЕЭК в части разграничения понятий «цифровой актив», «цифровой знак (токен)», «криптовалюта»;

3) определить правовой статус и правовой режим указанных объектов как объектов гражданских прав путем внесения соответствующих изменений в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь;

4) разработать и принять отдельный нормативный правовой акт (закон), регулирующий общественные отношения, складывающиеся по поводу цифровых активов, на территории Республики Беларусь.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) понятие «криптоактивы» выступает исключительно доктринальным. Вместе с тем оно синонимично понятиям «цифровые активы», «виртуальные активы»;

2) в качестве «зонтичного» понятия применительно к объектам криптосферы в законодательстве государств – членов ЕАЭС предлагается использовать понятие «цифровые активы» в значении, определенном в докладе ЕЭК, что будет первым шагом на пути гармонизации законодательства стран региональной экономической интеграции в указанной сфере;

3) вторым шагом видится формулирование единых подходов в области определения правового статуса и правового режима цифровых активов в законодательствах государств – членов ЕАЭС;

4) применительно к законодательству Республики Беларусь в контексте темы исследования предлагается отказаться от экспериментального режима правового регулирования криптоотношений. Для это необходимо внести соответствующие изменения в ГК Республики Беларусь и разработать специальный нормативный правовой акт в виде закона, предметом правового регулирования которого станут общественные отношения, складывающиеся по поводу цифровых активов.

Список литературы

1. Ankenbrand T., Bieri D., Cortivo R., Hoehener J. and Hardjono T. Proposal for a Comprehensive (Crypto) Asset Taxonomy // Crypto Valley Conference on Blockchain Technology (CVCBT). 2020. Pp. 16-26.

2. Арушанян В. Нынешнее использование блокчейна – это эволюция, но я ожидаю революцию. URL: <https://letknow.news>
3. Волкова Л. В. Риски и новые возможности, генерируемые крипто-активами в российской федерации // BENEFICIUM. 2023. № 1(46). С. 14-19.
4. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть I). URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4?cl=ru-ru#st_22
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by>
6. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). URL: <https://online.zakon.kz>
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01400176&q_id=8795942
9. Доклад ЕЭК «Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики. Разработка регуляторных подходов: международный опыт, практика государств-членов ЕАЭС, перспективы для применения в Евразийском экономическом союзе». Москва, 2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/71f/Doklad_FINAL.pdf
10. Кочергин Д. А., Покровская Н. В. Интерпретация криптоактивов и особенности их налогообложения в развитых странах и России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2020. № 5. С. 182-215.
11. Об информатизации: Закон Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902&pos=1;-8#pos=1;-8
12. О виртуальных активах: Закон Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112346>
13. О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере виртуальных активов: Закон Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112417?cl=ru-ru>
14. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий: Закон Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34230083&show_di=1
15. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам цифровых активов и информатизации: Закон Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38779038&show_di=1
16. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь. URL: <https://etalonline.by>
17. О цифровых активах в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан. URL: <https://online.zakon.kz>
18. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон // СПС «КонсультантПлюс»

19. Понамаренко В. Е., Дибина Д. В. Правовое регулирование криптоактивов в передовых криптоюрисдикциях Европы: Мальта, Лихтенштейн, Швейцария // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6, № 2.

20. Савельева М. В. О формировании механизма правового регулирования отношений, связанных с криптоактивами, в эпоху глобальной цифровизации // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 1. С. 78-86.

21. Савельева М. В. Понятие криптоактива и его место в системе гражданского права // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2021. № 7. С. 163-170.

22. Степанова Т. А., Измайлова Л. Н., Воронина А. В. Регулирование рынка криптоактивов // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6, № 2. С. 282-288.

23. Ярутин Я. К., Гуляева Е. Е. Международное и российское правовое регулирование оборота криптоактивов: понятийно-терминологическая корреляция // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(3). С. 725-751.

Д. А. Дудкин,

адъюнкт,

Академия управления

Министерства внутренних дел Российской Федерации

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОКАЗАНИЯ ДЕТЕКТИВНЫХ (СЫСКНЫХ) УСЛУГ КАК ПРЕДМЕТА ДОГОВОРА

Аннотация. В реалиях сегодняшнего времени, в том числе в условиях всеобъемлющей цифровизации общества, вопрос безопасности государства, а также граждан и их имущества в информационном поле и киберпространстве становится особенно острым. На данном этапе развития гражданских правоотношений в области сыска отсутствует всеобъемлющее исследование, которое полностью разбирает суть договора оказания детективных услуг в качестве процесса их предоставления, выражающегося в определенном виде услуг как предмета договора, который все чаще заключается в электронном виде. Чтобы сформулировать вышеназванное понятие, необходимо выявить правовую природу детективных (сыскных) услуг как предмета договора и проследить ее трансформацию.

Ключевые слова: детективная деятельность, детективные (сыскные) услуги, договор оказания детективных услуг, динамика предпринимательской деятельности

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE PROVISION OF DETECTIVE (INTESTIGENT) SERVICES AS THE SUBJECT OF THE CONTRACT

Abstract: In the realities of today, including in the conditions of comprehensive digitalization of society, the issue of the security of the state, as well as citizens and their property in the information field and cyberspace is becoming particularly acute. At this stage of the development of civil legal relations in the field of investigation, there is no